

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.115-135

Н. А. Лопашенко*

Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор

Аннотация. В статье критически осмысливаются изменения уголовного законодательства, которые были осуществлены в 2022 г.: было принято 15 федеральных законов, изменивших УК РФ, из них треть напрямую связана с проведением Россией специальной военной операции. В обзоре проанализированы важнейшие изменения, с указанием на проблемы, которые появляются в связи с их принятием, предлагаются пути решения этих проблем. Выделены главные итоги реформирования Общей части УК РФ (в частности, расширение перечняотягчающих обстоятельств). В Особенную часть УК РФ в 2022 г. было включено 16 новых статей, а 38 действующих были подвергнуты корректировкам. К основным трендам этих изменений автор относит расширение криминализации, усиление дифференциации, ужесточение уголовной ответственности. Критически исследованы проблемы дифференциации половых преступлений за счет учета множественности потерпевших; осуществлена попытка разграничения участия в вооруженном конфликте и перехода на сторону противника; проанализировано соотношение составов ст. 207.3 и 280.3 УК РФ с выходом на необходимость унификации в уголовном законе публичных призывов к нарушению федерального законодательства; рассмотрены некоторые сложности в новом понимании попытки; отмечено усиление искусственной конкуренции уголовно-правовых норм на примере составов, предусмотренных новыми статьями 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 УК РФ; вычленены основные тенденции изменения преступлений против военной службы; подчеркнута неверность законодательной регламентации преступных посягательств через выделение в качестве самостоятельных преступлений отдельных стадий неоконченного преступления или видов или форм соучастия в преступлении на примере антидиверсионных составов преступления (ст. 281.1–281.3 УК РФ) и др.

Ключевые слова: изменения УК РФ; половые преступления; попытка; диверсионные преступления; публичные призывы как преступление; преступления, связанные с исполнением гособоронзаказа.

Для цитирования: Лопашенко Н. А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 4. — С. 115–135. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.115-135.

The Main Results of Criminal Law Reform in 2022: An Analytical Review

Natalya A. Lopashenko, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor, Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Saratov State Law Academy
ul. Volskaya, d. 1, Saratov, Russia, 410056
lopashenko@yandex.ru

Abstract. The paper critically reflects on the changes in criminal legislation implemented in 2022: 15 federal laws, which changed the Criminal Code of the Russian Federation, were adopted. A third of them is directly related

© Лопашенко Н. А., 2023

* Лопашенко Наталья Александровна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (СГЮА)
Вольская ул., д. 1, г. Саратов, Россия, 410056
lopashenko@yandex.ru

to Russia conducting a special military operation. The review analyzes the most important changes, indicating the problems that arise in connection with their adoption, and suggests ways to solve these problems. The main results of the reform of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation (in particular, the expansion of the list of aggravating circumstances) are highlighted. In 2022, 16 new articles were included in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, and 38 existing ones were subject to adjustments. The main trends of these changes include the expansion of criminalization, the strengthening of differentiation, and the tightening of criminal responsibility. The problems of differentiation of sexual crimes by taking into account the multiplicity of victims are critically investigated. An attempt is made to differentiate participation in an armed conflict and going over to the enemy's side. The ratio of the bodies of crimes under Articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation is analyzed with the need for unification in the criminal law of public appeals to violation of federal legislation. Some difficulties in the new understanding of torture are considered. The strengthening of artificial competition of criminal law norms on the example of the compositions provided for by new Articles 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 of the Criminal Code of the Russian Federation. The main trends in the change of crimes against military service are identified. The unfaithfulness of the legislative regulation of criminal encroachments through the allocation as independent crimes of certain stages of an unfinished crime or types or forms of complicity in a crime on the example of anti-diversionary crime compositions is emphasized (Articles 281.1–281.3 of the Criminal Code of the Russian Federation), etc.

Keywords: amendments to the Criminal Code of the Russian Federation; sexual crimes; torture; subversive crimes; public calls as a crime; crimes related to the execution of the state defense order.

Cite as: Lopashenko NA. Osnovnye itogi reformirovaniya ugolovnogo zakonodatelstva v 2022 g.: analiticheskiy obzor [The Main Results of Criminal Law Reform in 2022: An Analytical Review]. *Lex russica*. 2023;76(4):115-135. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.115-135. (In Russ., abstract in Eng.).

2022 год был богат в России на события нормативного значения в области уголовного права и уголовного законодательства, менявшие уголовно-правовую политику и в части уголовного законодательства, и в части правоприменения — через истолкование положений уголовного закона. С учетом происходивших в стране и в мире трансформаций по всех сферах человеческого бытия, связанных с турбулентностью в международных отношениях, с последствиями пандемических лет, с проведением Российской Федерацией специальной военной операции (далее — СВО), изменения в уголовной политике и уголовном законодательстве не удивительны, в некоторых случаях даже закономерны. Остановлюсь на основных трендах, тенденциях реформирования уголовного законодательства и отдельных изменениях уголовного закона, давая им общую оценку и выделяя проблемы, которые, на мой взгляд, возникнут при применении новых норм уголовного закона, с предложением путей их решения.

Несмотря на то что федеральных законов, менявших УК РФ, принято только 15 (в отдельные годы до 25 доходило), многие изменения были значимыми и крупными (что, разумеется, отнюдь не означает безусловной поддержки каждого из них). Три из указанных закона были приняты по отдельным положениям Общей части (они, как правило, вносили точечные изменения); семь посвящены положениям Осо-

бенной части; оставшиеся пять вносили изменения как в Общую, так и в Особенную части. При этом напрямую связаны с проведением Россией специальной военной операции пять федеральных законов, то есть две трети законов могут быть отнесены к плановым.

1. Изменения Общей части уголовного законодательства

Менялись некоторые статьи, часто — в связи с изменениями Особенной части УК РФ. Были изменены следующие статьи УК РФ: ст. 57, 63 (трижды), 73, 76.1, 79, 80, 92, 104.1 (дважды).

Общие итоги реформирования:

- 1) расширено применение пожизненного лишения свободы за счет возможности его назначения всем лицам, совершившим особо тяжкие посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних (ранее возможно было только за преступления против несовершеннолетних, не достигших 14 лет) (ст. 57 УК РФ). Поддержать это изменение не могу, однако, только в той части, которая касается ненасильственных посягательств на половую неприкосновенность;
- 2) расширен (фактически без добавления новых пунктов) перечень отягчающих обстоятельств за счет включения в них соверше-

- ния преступления в период мобилизации или военного положения, в военное время (п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ) и в отношении несовершеннолетнего лицом, на которое возложены обязанности по содержанию, обучению и (или) защите прав и законных интересов несовершеннолетнего (несовершеннолетней), либо лицом, проживающим совместно с несовершеннолетним (несовершеннолетней), либо иным лицом, осуществляющим трудовую деятельность в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних (п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ). В принципе, оба изменения социально обоснованны, с ними можно согласиться, правда, хорошо было бы указать, какие именно преступления отягчают ответственность в период мобилизации или военного положения, в военное время (или же уточнить место их совершения). Добавлен новый пункт — п. «с» — совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии;
- 3) расширено понятие преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, за счет включения в перечень ст. 242 УК РФ (примечание к ст. 73 УК РФ);
  - 4) продлена возможность применения освобождения от уголовной ответственности в соответствии с ч. 3 ст. 76.1 УК РФ для лиц, совершивших некоторые налоговые преступления в период с 1 января 2019 г. до 1 января 2022 г.;
  - 5) уточнено, с какого момента начинает исчисляться срок наказания, после фактического отбытия которого может быть применено условно-досрочное освобождение, в отношении осужденных, неотбытая часть наказания которым была заменена более мягким видом наказания, — с момента начала срока отбывания наказания, назначенного по приговору суда (ч. 3.2 ст. 79 УК РФ). Представляется, что это верно;
  - 6) уточнено, какую часть наказания лицо должно фактически отбыть для замены его более мягким наказанием при осуждении за особо тяжкое преступление (оставлен один вариант — не менее двух третей срока, исключено «не менее половины срока наказания при замене наказания в виде лишения свободы принудительными работами»);
  - 7) из ст. 92 УК РФ исключены положения, которые регламентируют пребывание несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, поскольку указанные вопросы стали подробно регламентироваться Кодексом административного судопроизводства РФ, в который включены новые главы: 31.2 «Производство по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел» и 31.3 «Производство по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа»;
  - 8) расширено применение конфискации имущества:
    - а) в отношении новых преступлений — ст. 275.1 и ч. 2–4 ст. 283.2 УК РФ, включенных в УК РФ в этом году;
    - б) в отношении транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного статьями 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ. Последняя мера может оказаться высоко эффективной, на мой взгляд, правда, не во всех случаях (часто собственником является не то лицо, которое управляет транспортным средством).

2. Изменения Особенной части уголовного законодательства

Законодатель за прошедший год изменил целый ряд статей Особенной части УК РФ и включил в нее новые.

Изменениям подверглись статьи: 116.1, 117, 131, 132, 133, 189, 200.4, 207.3, 208, 239, 242, 242.1, 261, 264, 275, 276, 280.3, 284.1, 286, 302, 316, 322, 330.1, 331, 332, 333, 334, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 344, 346, 347, 348, 359 — всего 38 статей УК РФ.

Количество новых статей, включенных в УК РФ в этом году, составило 16. Это статьи: 207.3, 264.3, 274.2, 275.1, 280.3, 280.4, 281.1, 281.2, 281.3, 282.4, 283.2, 284.2, 285.5, 285.6, 352.1, 356.1.

Таблица 1

Изменения Особенной части УК РФ в 2022 г.

Количество статей УК РФ	Сфера посягательства											
	Личность		Экономика		Общественная безопасность и общественный порядок		Государственная власть		Военная служба		Мир и безопасность человечества	
	изменено	добавлено	изменено	добавлено	изменено	добавлено	изменено	добавлено	изменено	добавлено	изменено	добавлено
Всего	5	0	2	0	7	3	9	11	14	1	1	1
Из них:	гл. 16		гл. 22		гл. 24		гл. 29		гл. 33		гл. 34	
	2	0	2	0	2	1	4	9	14	1	1	1
	гл. 18		гл. 23		гл. 25		гл. 30					
	3	0	0	0	3	0	1	2				
					гл. 26		гл. 31					
	1	0			2	0						
	гл. 27				гл. 32							
	1	1			2	0						
	гл. 28											
0	1											

Основная масса изменений, таким образом, пришлось на три раздела:

- преступления против государственной власти (изменено 9 статей и включено 11 новых статей), при этом больше всего изменилась глава посягательств на основы конституционного строя и безопасности государства (4 статьи изменены, 9 новых статей включено);
- преступлений против военной службы (14 статей изменено и 1 новая включена);
- преступлений против общественной безопасности и общественного порядка (соответственно 7 статей изменено и 3 новых появились, при этом изменения «рассыпаны» по всему разделу).

Если выделить основные тренды изменений Особенной части, то к ним я бы отнесла:

- 1) *расширение криминализации*, при этом часто за счет объявления преступным повторного — после совершения аналогичного административного правонарушения и наложения административного наказания за него — такого же правонарушения. Так, из 16 вновь введенных в УК РФ статей предусматривают административную преюдицию 7 статей, если же учитывать составы, которые содержатся в этих статьях, — и того больше — их 9 (ч. 1 ст. 264.3, ч. 1 и 2 ст. 274.2, ч. 1 ст. 280.3, ч. 1 и 2 ст. 282.4, ст. 284.2, ч. 1 ст. 285.5, ст. 285.6 УК РФ). Плюс к этому административная преюдиция (двойная) введена в измененный состав ч. 1 ст. 330.1 УК РФ. Такая тенденция никак не может быть поддержана, о чем мне не раз приходилось писать¹;

¹ См., например: *Лопашенко Н. А.* Составы преступлений с административной преюдицией — «свои среди чужих»? // *Российский следователь.* 2022. № 5. С. 51–55; *Она же.* Административной преюдиции в

- 2) усиление дифференциации, в частности: по половым преступлениям в отношении несовершеннолетних (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, новая часть 3 ст. 133 УК РФ); в отношении составов нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ); превышения должностных полномочий (теперь в ст. 286 УК РФ пять частей вместо трех) и др. Здесь мы видим традиционные ошибки и погрешности в изложении дифференцирующих средств (в частности, объединение в один признак любого группового совершения преступления — совершения его группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой — п. «г» ч. 3 ст. 286 УК РФ);
- 3) ужесточение уголовной ответственности (по тем же половым преступлениям, очень существенно по составам наемничества — ст. 359 УК РФ). Усилено наказание за создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, по всем составам ст. 239 УК РФ, при этом по ч. 1 и 2 преступление переведено из категории средней тяжести в категорию тяжких преступлений;
- 4) устранение законодательных ошибок, приведение УК РФ в соответствие с Конституцией РФ, а также корректирование *Особенной части* в связи с другими ее изменениями. Так, во исполнение постановления Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой» Федеральным законом от 28.06.2022 № 203-ФЗ «О внесении изменений в статью 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»² в ст. 116.1 УК РФ введена часть 2 — для устранения несуразности с

административной преюдицией как условием применения статьи. Ранее в силу буквы закона нанесение лицом, осужденным за побор, очередных побоев влекло уголовную ответственность только в том случае, если это лицо имело административное взыскание за такое же деяние. Сюда же можно отнести расширение негативного признака по ст. 189 УК РФ Федеральным законом от 14.07.2022 № 260-ФЗ — признание возможности незаконных экспорта из РФ или передачи сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконного выполнения работ (оказания услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники, теперь и при отсутствии признаков ч. 2–4 ст. 283.2 УК РФ.

Остановлюсь подробнее на отдельных изменениях.

2.1. Федеральный закон от 28.01.2022 № 3-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»

Закон усилил дифференциацию и ужесточил (при наличии новых признаков) наказание за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних. В качестве дифференцирующих средств дополнительно введены: множественность потерпевших несовершеннолетних (вне зависимости от их возраста), а также сопряженность с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, за исключением случаев, предусмотренных пунктом «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

На проблемы, с которыми практика обязательно столкнется при применении новых положений закона, уже не раз указывали. В частности, каковы пределы понимания другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, точнее — есть ли они, кроме оговоренного в самом законе исключения.

уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64–71.

См. также: Петрова Г. О. Уголовно-правовое регулирование и некоторые его границы в XXI веке // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 6. С. 6–8; Караваева Ю. С. Межотраслевая дифференциация ответственности в уголовно-правовых нормах с признаками административной преюдиции: законодательный и правоприменительный подходы // Lex russica (Русский закон). 2022. № 8(75). С. 81–98.

² Анализ и справедливую критику этого постановления см.: Иванов Н. Г. Преюдициальность в УК РФ в свете позиций Конституционного Суда РФ (на примере ст. 116.1 УК РФ) // Уголовное судопроизводство. 2021. № 3. С. 34–39.

Вопрос прежде всего касается сопряженности с другими насильственными половыми преступлениями. Как известно, довольно часто на практике встречается ситуация, когда виновный в отношении потерпевшей совершает сразу и изнасилование, и насильственные действия сексуального характера. Пленум Верховного Суда рекомендует — и верно — усматривать здесь совокупность преступлений. Однако сейчас в ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132 УК РФ есть признак сопряженности с тяжким и особо тяжким преступлением. Следует ли вменять лицу сразу обе части двух статей? На мой взгляд, это двойное вменение одного и того же. Какую же статью с сопряженностью нужно вменить один раз? Корректного решения проблемы, на мой взгляд, не существует. Можно предложить правоприменителю квалифицировать действия виновного как сопряженные по ч. 5 по той статье полового преступления, с которого началось половое посягательство, а второй состав вменять без признака сопряженности. Однако это предложение от безысходности.

Еще хуже обстоят дела с множественностью потерпевших. Несуразность наказания здесь хорошо видна, если мы сравним два состава — убийство двух или более лиц и изнасилование двух или более несовершеннолетних. За такое убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ) установлена уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок *от восьми до двадцати лет* с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненного лишения свободы, либо смертной казни. Если же совершено два изнасилования двух несовершеннолетних любого возраста (от младенческого до 18 лет), часть 5 ст. 131 УК РФ предусматривает ответственность в виде лишения свободы на срок *от пятнадцати до двадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет* либо пожизненного лишения свободы. Получается, что жизнь несовершеннолетнего охраняется у нас далеко не так строго, как его половая неприкосновенность или половая свобода. На мой взгляд, абсурд³.

Об этом же пишет, например, М. В. Гусарова: «Усиление мер ответственности за ряд деяний сексуального характера породило определенной перекося в тяжести установленных законодателем наказаний между различными преступлениями, в частности убийствами и сексуальными посягательствами. ...Усиление наказаний в санкциях о преступлениях сексуального характера представляется в ряде случаев несистемным и не в полной мере оправданным»⁴.

2.2. Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»

Указанным законом статья 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации» УК РФ была изложена в новой редакции: трансформировано ее название (добавлена часть текста после слов «а равно»), а также — из существенных изменений — введена часть 3: «Участие гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 275 настоящего Кодекса)».

Одновременно этот же закон изменил состав государственной измены, включив в него новую форму — переход на сторону противника — и истолковав это понятие в примечании 1 к ст. 275 УК РФ: под переходом на сторону противника в настоящей статье понимается участие лица в составе непосредственно противостоящих Российской Федерации сил (войск) иностранного государства, международной либо иностранной организации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных дей-

³ В доктрине есть и другие мнения. Например, по мнению А. Горелова, принятый законопроект — «очень правильный» (Горелов А. Усиление ответственности за половые преступления над детьми // Административное право. 2021. № 4. С. 47–48).

⁴ См.: Гусарова М. В. Анализ наказаний за преступления сексуального характера и пути их оптимизации // Российский судья. 2022. № 1. С. 19–22.

Таблица 2

**Разграничение участия в вооруженном конфликте
и перехода на сторону противника в УК РФ**

Ч. 3 ст. 208. Участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации	Ст. 275. Государственная измена в форме перехода на сторону противника
Объект	
Общественная безопасность	Государственная безопасность и обороноспособность РФ
Объективная сторона	
Участие в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 275 УК РФ)	Переход на сторону противника, т.е. участие в составе непосредственно противостоящих Российской Федерации сил (войск) иностранного государства, международной либо иностранной организации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники
Условие ответственности	
На территории иностранного государства	В составе непосредственно противостоящих Российской Федерации сил (войск) иностранного государства, международной либо иностранной организации
Субъективная сторона	
— Прямой умысел — Цели, противоречащие интересам Российской Федерации	— Прямой умысел — Направленность против безопасности Российской Федерации
Субъект	
Гражданин Российской Федерации или постоянно проживающее в Российской Федерации лицо без гражданства	Гражданин Российской Федерации
Наказание	
Лишение свободы на срок от 12 до 20 лет со штрафом в размере до 500 тыс. руб. либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет	Лишение свободы на срок от 12 до 20 лет со штрафом в размере до 500 тыс. руб. либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет

ствиях с применением вооружения и военной техники⁵.

Как разграничивать эти составы преступлений (см. табл. 2)?

Соответственно, основное разграничение должно проводиться по наличию в государственной измене признака непосредственного противостояния Российской Федерации сил (войск) иностранного государства, международной либо иностранной организации, при этом место совершения преступления здесь значения для квалификации не имеет, это может быть и территория РФ. В составе ч. 3 ст. 208 УК РФ признака противостояния нет — лицо

участвует в вооруженном конфликте на территории иностранного государства.

Этот же федеральный закон включил в Уголовный кодекс три новые статьи:

— ст. 207.3 «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации» (через 21 день Федеральный закон от 25.03.2022 № 63-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» название и содержание диспозиции статьи изменил на «Публичное распространение

⁵ Анализ этого состава уже предложен в доктрине. См.: *Хлебушкин А. Г.* Переход на сторону противника и участие в военных действиях на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации: вопросы квалификации // Уголовное право, 2022, № 12.

заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий»);

- ст. 280.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности» (аналогично и тем же законом, что и ст. 207.3 УК РФ, изменена — расширена сфера действия статьи);
- ст. 284.2 «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц».

Интересно, что анализируемый уголовный закон должен был быть принят в совершенно ином виде. Законопроект, разработанный В. В. Володиным, Г. А. Зюгановым, В. В. Жириновским, С. И. Неверовым, С. М. Мироновым, И. И. Мельниковым, А. Д. Жуковым, А. К. Исаевым, П. О. Толстым, членом Совета Федерации ФС РФ В. И. Матвиенко, содержал одну новую статью — ст. 284.2 «Ограничение или отказ в совершении обычных хозяйственных операций или сделок в целях содействия в исполнении мер ограничительного характера, введенных иностранным государством, союзом иностранных государств или международной организацией», был внесен в Государственную Думу РФ еще в мае 2018 г., тогда же был принят в первом чтении и «заморожен» на этой стадии. Ко второму чтению, которое состоялось 4 марта 2022 г., проект был полностью переработан, получил тот вид, в котором фактически и был принят, в той же редакции и в тот же день (таким образом, и второе, и третье чтения состоялись сразу, в один день). Статья 284.2 УК РФ осталась в проекте, но была реализована в законе уже совсем в другом виде.

Остановлюсь коротко на анализе двух статей в действующей редакции (изменения в них вносились синхронно и были одинаковыми), — ст. 207.3 и ст. 280.3 УК РФ (см. табл. 3).

Таким образом, объединяют указанные составы:

- 1) совершение деяния путем действий (в одном случае они конкретно поименованы — распространение — это действия, в другом — на действия прямо указывается);
- 2) и в одной, и в другой статье действия должны быть публичными;

- 3) и в одном, и в другом составах предметом действий является использование Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а также исполнение государственными органами РФ своих полномочий за пределами территории РФ в указанных целях.

Однако в одной статье преступление связано с распространением заведомо ложной информации под видом достоверных сообщений, в другой — с действиями, в том числе публичными призывами, то есть, по сути, той же информации, которые направлены на дискредитацию Вооруженных Сил РФ или государственных органов РФ, выполняющих свои полномочия за пределами территории РФ. Разные ли это действия? Как разграничить указанные составы преступления, тем паче, что условия привлечения к уголовной ответственности здесь кардинально расходятся? Вопрос упирается в понятие дискредитации, которое появилось в действующем уголовном законе впервые.

Дискредитация во всех словарях понимается как подрыв авторитета, его умаление, очернение. Соответственно, согласно редакции ст. 280.3 УК РФ, лицо должно в рамках объективной стороны совершить публичные действия, направленные на подрыв авторитета, очернение Вооруженных Сил РФ или работающих за рубежом государственных органов РФ. Получается, что сама дискредитация связывается с целью действий виновного, фактически ущерб авторитету может быть не причинен.

Толковать дальше понятие дискредитации применительно к ст. 280.3 УК РФ получается плохо. На мой взгляд, в подавляющем большинстве случаев дискредитация, исходя из понятия этого термина, должна быть связана с сообщением вымышленных, т.е. ложных сведений, представляющих Вооруженные Силы РФ (государственные органы) в искаженном свете. Однако сообщение ложной информации — это другой состав, предусмотренный статьей 207.3 УК РФ.

Частично на рамки понимания дискредитации указывает специально упомянутая в диспозиции ст. 280.3 УК РФ форма — публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, которые, по мнению законодателя, использо-

Таблица 3

Сопоставительный анализ признаков ст. 207.3 и 280.3 УК РФ

Ст. 207.3. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ, исполнении государственными органами РФ своих полномочий	Ст. 280.3. Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами РФ своих полномочий в указанных целях
Объект	
Общественная безопасность	Государственная безопасность и обороноспособность РФ
Объективная сторона	
Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а равно содержащей данные об исполнении государственными органами РФ своих полномочий за пределами территории РФ в указанных целях	Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил РФ в указанных целях, а равно направленные на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории РФ в указанных целях
Условие ответственности	
Нет, сразу уголовная ответственность	Совершение деяния лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года
Наказание	
Штраф в размере от 700 тыс. до 1,5 млн руб., исправительные работы на срок до одного года, принудительные работы на срок до трех лет, лишение свободы на тот же срок	Штраф в размере от 100 тыс. до 300 тыс. руб., принудительные работы на срок до трех лет, арест на срок от четырех до шести месяцев, лишение свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок
Квалифицирующие признаки	
Есть, в ч. 2 и 3	Нет

вашего оборот «в том числе», являются частным случаем дискредитации. Но публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан далеко не всегда означают умаление авторитета Вооруженных Сил РФ, это может быть публичная частная оценка такого использования, совсем не преследующая цель дискредитации Вооруженных Сил.

При этом я не даю здесь оценок общественной опасности таких действий; в условиях проводимой государством СВО они, действительно, могут быть опасны. В таком случае следовало бы пойти — при необходимости установления уголовной ответственности — по уже апробированному пути (см., например, ст. 205.2

«Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма» УК РФ) — установить уголовную ответственность конкретно за публичные призывы к нарушению законодательства о проведении специальной военной операции. В противном случае получается, что публичное обнародование своего негативного отношения к СВО признается дискредитацией Вооруженных Сил РФ.

А можно поступить и еще проще...

2.3. Федеральный закон от 14.07.2022 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»

Вышеназванный Федеральный закон включил в УК РФ еще одну новую норму — ст. 280.4

«Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства». Диспозиция ч. 1 этой статьи объявляет преступными публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, либо к воспрепятствованию исполнения органами власти и их должностными лицами своих полномочий по обеспечению безопасности Российской Федерации (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 205.2, 280, 280.1, 280.3, 284.2 и 354 УК РФ).

Таким образом, статья 280.4 УК РФ применяется, если нет признаков шести самостоятельных составов:

- ст. 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма»;
- ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»;
- ст. 280.1 «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение

территориальной целостности Российской Федерации»;

- ст. 280.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях»;
- ст. 284.2 «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц»;
- ст. 354 «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны».

И это законодательно не учтены еще одни призывы — к массовым беспорядкам (ч. 3 ст. 212 УК РФ). При этом есть принципиальные различия и в криминообразующих признаках, и в наказании, и в дифференциации ответственности, что хорошо видно в таблице 4.

Таблица 4

Сопоставительный анализ составов с публичными призывами

Ст. 205.2	Ст. 280	Ст. 280.1	Ст. 280.3	Ст. 280.4	Ст. 284.2	Ст. 354
Криминообразующие признаки / условие ответственности, кроме публичности						
Нет	Нет	Адм. преюдиция	Адм. преюдиция	Отсутствие признаков других призывов	Адм. преюдиция	Нет
Максимум наказания по основному составу						
5 лет л/с	4 года л/с	4 года л/с	3 года л/с	4 года л/с	3 года л/с	3 года л/с
Категория преступления						
Средней тяжести	Средней тяжести	Средней тяжести	Небольшой тяжести	Средней тяжести	Небольшой тяжести	Небольшой тяжести
Квалифицирующие признаки / категория преступления						
Есть, тяжкое	Есть, средней тяжести	Есть, средней тяжести	Есть сам. состав при наступлении последствий, средней тяжести	Есть, ч. 2 и ч. 3, оба тяжкие	Нет	Есть, средней тяжести

Может быть, имеет уже смысл не плодить новые нормы, а просто исключить из текста новой статьи 280.4 УК РФ оговорку в скобках, вместе с исключением всех самостоя-

тельных составов, связанных с публичными призывами?

Точно такое же предложение возникает и по составам, связанным с распространением фей-

ковой информации (их три — ст. 207.1, 207.2, 207.2 УК РФ)⁶.

2.4. Федеральный закон от 14.07.2022 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»

Этот Закон внес изменение в главу о преступлениях против жизни и здоровья — исключил примечание к ст. 117 УК РФ, которое содержало понятие пытки, одновременно включив такое понятие в главу о должностных преступлениях в два примечания к ст. 286 УК РФ. Кроме того, он же расширил дифференциацию по составам превышения должностных полномочий и принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ). По дифференциации, которую, как правило, нужно приветствовать, если она основана на использовании типичных, меняющих общественную опасность признаков, обращу внимание на погрешности законодательной техники, которые неизбежно породят погрешности в квалификации, точнее — вызовут проблемы с квалификацией. Так, одним из признаков принуждения к даче показаний является принуждение, соединенное с применением насилия или издевательства (ч. 2 ст. 302 УК РФ). В части 3 статьи предусмотрено ныне принуждение с применением пытки. Притом эта новая часть отсылает к ч. 1 ст. 302 УК РФ, не упоминая ч. 2. Как быть, если пытка сопровождалась насилием, не влекущим сильной боли и особых физических страданий (например, применением наручников или иным ограничением свободы), и выражалась в издевательствах, причиняющих страдания нравственные? Должна ли формула обвинения учитывать факт насилия и каким образом? Если принимать во внимание букву закона, то часть 3 не охватывает положения ч. 2 ст. 302 УК РФ, равно как ее часть 4 тоже отсылает лишь к одной части — третьей, с понятием пытки; соответственно, если пытки нет, но в результате принуждения последовала по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью, часть 4 ст. 302 УК РФ применена быть не может. То есть в последней ситуации действия виновного должны будут квалифицироваться по двум статьям — ст. 302 УК РФ и, в зависимости от последствий, — по ст. 109 или 118 УК РФ. Но так ли уж разнятся ситуации?

Еще одно изменение, внесенное указанным законом в ст. 302 УК РФ, состоит в расширении круга потерпевших и круга субъектов по составу. Если с последним — включением в число субъектов иного сотрудника правоохранительного органа (в пояснительной записке разработчики приводят в качестве примера сотрудников уголовно-исполнительной системы, думаю, что и специально не упомянутые здесь оперативные сотрудники теперь тоже без проблем (то есть без установления согласия следователя и т.д.) могут быть признаны субъектами) — следует согласиться, то расширение потерпевших на оправданных и осужденных мне не совсем понятно (в пояснительной записке это не оговаривается). Если они принуждаются к даче показаний, то, очевидно, они имеют какой-то процессуальный статус в другом уголовном деле — в качестве подозреваемого, свидетеля или потерпевшего. Смысла отдельно их указывать я не вижу. Если же такого статуса осужденный и оправданный не имеют, то лица, желающие получить от них какие-либо сведения, совершают должностное или иное преступление, а не преступление против правосудия.

Теперь о понятии пытки. Что ему не место в главе о преступлениях против жизни и здоровья, писали не раз. Как и то, что определение пытки через не сильно правовые понятия «физических или нравственных страданий», обозначающих, по сути, последствия пытки, мало что объясняет правоприменителю и любому толкующему положения уголовного закона⁷. Что-то из недостатков прежнего закона разработчиками законопроекта учтено (см. табл. 5). В основу нового понятия пытки положено определение пытки в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, заключенной 10.12.1984, с изм. от 08.09.1992: «... “пытка” означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или при-

⁶ О сложностях понимания первых двух составов преступления, в частности, сложностях отграничения их от административных правонарушений см., например: Терских А. И. Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые — наказание реальное // Законность. 2022. № 8. С. 32–37.

⁷ О недостатках прежнего уголовно-правового понятия пытки см., например: Векленко В., Галюкова М. Истязание и пытка: уголовно-правовой анализ // Уголовное право. 2007. № 4.

нудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания,

которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно» (ст. 1). В нашем определении пытки нет только указания на субъекта, который ее применяет (официальное должностное лицо и др.); впрочем, поскольку понятие пытки действует в отношении всего уголовного закона, такое указание излишне.

Таблица 5

Понятие пытки в УК РФ

Примечание к ст. 117	Примечания к ст. 286
Под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях	<p>1. Под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера.</p> <p>2. Не является пыткой причинение физических или нравственных страданий, которые возникают в результате правомерных действий должностного лица или другого лица либо неизбежно сопряжены с такими действиями</p>

Таким образом, пытка сейчас по законодательному определению⁸ представляет собой любое действие или бездействие, которое может повлечь хотя бы одно из двух возможных последствий: причинить умышленно: 1) сильную боль либо 2) физические или нравственные страдания. Хотя физические и нравственные страдания в формуле пытки сохранены, такой вариант их упоминания, несомненно, лучше того, который был ранее. Правда, возникает вопрос, даже два (помимо оставшейся необходимости формулирования понятия страданий): 1) как соотносятся между собой физические страдания и сильная боль; 2) какая боль является сильной? Как ее определить и кто это должен устанавливать?

Подозреваю, что поиском ответов на приведенные вопросы никто не будет заниматься, поскольку основное внимание будет привлечено к установлению цели действий виновного. Точнее, целей. И здесь могу констатировать, что нынешние законодательные формулировки

мне нравятся больше прежних, хотя и они далеки от совершенства. В настоящее время целями пытки выступают альтернативно: 1) получение от потерпевшего или третьего лица сведений или признания; 2) наказание потерпевшего за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается; 3) запугивание или принуждение его или третьего лица; 4) любая причина, основанная на дискриминации любого характера. В то же время оценочных понятий здесь использовано очень много, что не делает простым уяснение каждой из целей.

2.5. Федеральный закон от 14.07.2022 № 345-ФЗ «О внесении изменения в статью 200.4 Уголовного кодекса Российской Федерации»

Закон точечный, внесший лишь одно изменение в одну статью уголовного закона, но он единственный, который сужает сферу преступного. Законодатель исключил из числа обязательных признаков субъективной стороны

⁸ В доктрине уже предложены определения пытки по новой редакции уголовного закона. См., например: Борков В. Н. Отграничение пытки от применения насилия или специальных средств при превышении должностных полномочий // Уголовное право. 2022. № 12. С. 3–9.

указание на иную личную заинтересованность, оставив только заинтересованность корыстную.

Возникает вопрос о том, почему такие же правки не внесены в другие составы злоупотреблений (ст. 285, 285.4 УК РФ). Там же существуют такие же риски уголовного преследования.

2.6. Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»

Закон внес коррективы в две статьи Общей части (выше дан их анализ), в 14 статей Осо-

бенной части, все — в главу преступлений против военной службы, дополнил УК РФ шестью новыми статьями (ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6, 352.1, 356.1).

Включение в уголовный закон статей 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 только усугубляет сложности правоприменения, поскольку новые составы в значительной степени пересекаются между собой; таким образом, законодательно порождена (иногда — усилена) искусственная конкуренция уголовно-правовых норм. Покажу это в таблице 6, на примере служебных преступлений.

Таблица 6

Сопоставительный анализ признаков ст. 201, 201.1, 201.2, 201.3 УК РФ

Ст. 201. Злоупотребление полномочиями	Ст. 201.1. Злоупотребление полномочиями при выполнении гос. оборонного заказа	Ч. 1 ст. 201.2. Нарушение условий гос. контракта по гос. оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения гос. оборонного заказа	Ч. 2 ст. 201.2. Нарушение условий гос. контракта по гос. оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения гос. оборонного заказа	Ст. 201.3. Отказ или уклонение лица, подвергнутого адм. наказанию, от заключения гос. контракта по гос. оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения гос. оборонного заказа
1	2	3	4	5
Объективная сторона, деяние				
Использование своих полномочий вопреки законным интересам коммерческой или иной организации	Использование своих полномочий вопреки законным интересам коммерческой или иной организации	Нарушение условий гос. контракта по гос. оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения гос. оборонного заказа, после наложения адм. взыскания	Нарушение условий гос. контракта по гос. оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения гос. оборонного заказа	Отказ или уклонение от заключения гос. контракта по гос. оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения гос. оборонного заказа, если заключение таких гос. контракта либо договора является обязательным в соответствии с федеральным законом, после наложения адм. взыскания
Объективная сторона, последствие				
Существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства	Существенный вред охраняемым законом интересам общества или государства	Нет	Причинение Российской Федерации ущерба в сумме, составляющей не менее 5 % цены гос. контракта либо договора, но не менее пяти миллионов рублей, или невыполнение задания гос. оборонного заказа	Нет

1	2	3	4	5
Условие ответственности (дополнительное или основное)				
Нет	Совершение деяния при выполнении государственного оборонного заказа	1) Совершение деяния при выполнении гос. оборонного заказа. 2) Адм. преюдиция — совершение лицом, подвергнутым адм. наказанию за деяние, предусмотренное частью 1 или ч. 2.1 ст. 14.55 КоАП РФ	Совершение деяния при выполнении гос. оборонного заказа	Адм. преюдиция — совершение лицом, подвергнутым адм. наказанию за деяние, предусмотренное частью 1 или ч. 2 ст. 7.29.2 КоАП РФ
Субъективная сторона				
Прямой умысел Цели извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц <i>либо</i> нанесения вреда другим лицам	Прямой умысел Цели извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц	Прямой умысел Цель не указана	Прямой и косвенный умысел Цель не указана	Прямой умысел Цель не указана
Субъект				
Лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации	Лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации	Тот же субъект, что и в адм. правонарушениях (ч. 1 или ч. 2.1 ст. 14.55 КоАП РФ), — <i>должностное лицо</i> ⁹ головного исполнителя условий гос. контракта по гос. оборонному заказу, или <i>должностное лицо</i> исполнителя условий договора, заключенного в целях выполнения гос. оборонного заказа, ранее административно наказанное	Тот же субъект, что и в адм. правонарушениях (ч. 1 ст. 14.55 КоАП РФ), — <i>должностное лицо</i> головного исполнителя условий гос. контракта по гос. оборонному заказу, или <i>должностное лицо</i> исполнителя условий договора, заключенного в целях выполнения гос. оборонного заказа	Тот же субъект, что и в адм. правонарушениях (ч. 1 или ч. 2 ст. 7.29.2 КоАП РФ), — поставщик российских вооружения и военной техники, которые не имеют российских аналогов, единственный поставщик (исполнитель, подрядчик), определенный законодательными актами РФ, актами Президента РФ, актами Правительства РФ; поставщик (исполнитель, подрядчик), занимающий в соответствии с законодательством РФ в сфере гос. оборонного заказа доминирующее положение, и в том, и в другом случае через руководящих лиц таких организаций

⁹ Очевидно, что здесь это обозначение субъекта должно корректироваться с учетом субъектов гл. 23 УК РФ, т.е. термин «должностное» лицо означает лишь принадлежность к руководящим лицам коммерческой или иной организации. Должностные лица в смысле уголовно-правовом привлекаются к уголовной ответственности за подобное по ст. 285.5 УК РФ.

1	2	3	4	5
Наказание, максимум по основному составу				
Лишение свободы до 4 лет	Лишение свободы на срок от четырех до восьми лет	Лишение свободы на срок от четырех до восьми лет	Лишение свободы на срок от пяти до десяти лет	Лишение свободы на срок от четырех до восьми лет
Квалифицирующие признаки				
Есть, в ч. 2 (макс. наказания — 10 лет л/с)	Есть, в ч. 2 (макс. наказания — 10 лет л/с)	Нет	Нет	Нет

Таким образом, после введения в конце 2017 г. в УК РФ нормы, предусматривающей уголовную ответственность за злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1)¹⁰, она по правилам квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм стала специальной по отношению к норме ст. 201 УК РФ и должна применяться, если речь идет о злоупотреблениях при выполнении гособоронзаказа¹¹. Законодатель расценил это деяние как более общественно опасное (и справедливо), установив значительно более жесткую уголовную ответственность за такое деяние в основном составе (по квалифицированному составу тоже, но максимум основного наказания остался одинаковым).

В 2022 г. в эту главу УК РФ включено еще две статьи, с тремя самостоятельными общественно опасными деяниями, которые заключаются в нарушении условий гособоронконтракта, а также в отказе или уклонении от его заключения. Поскольку понятие нарушений гособоронконтракта «привязано» к составу административного правонарушения (в ч. 1 ст. 201.2 УК РФ, и в силу системного толкования положений уголовного закона такое же понятие в ч. 2 этой статьи, где уже нет отсылок к КоАП РФ, не может толковаться иначе) и это понятие в КоАП РФ раскрывается, очевидно, что и в уголовном законе нарушения понимаются так же: как нарушения условий государственного контракта по государственному оборонному заказу, касающиеся количества, качества, комплектности поставляемых товаров, качества выполняемых работ, оказываемых услуг, сроков поставки товаров,

выполнения работ, оказания услуг, а равно нарушения срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг), поставляемых (выполняемых, оказываемых) по государственному оборонному заказу, в том числе неисполнение обязанности по обеспечению авансирования. Состав преступления по ч. 1 ст. 201.1 УК РФ формальный, а потому можно говорить, что преступление совершается только с прямым умыслом, в отличие от ч. 2 этой статьи, где возможен как прямой, так и косвенный умысел.

Размещая составы ст. 201.2 УК РФ вслед за составами злоупотребления полномочиями (ст. 201, 201.1), законодатель косвенно показывает нам, что нарушение условий гособоронзаказа — это частный случай к составу злоупотребления полномочиями или к составу злоупотребления полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (очевидно, к последнему как имеющему более узкую сферу применения). Злоупотребление (буквально: употребление своих полномочий во зло) может выражаться и в умышленном, при наличии возможностей, нарушении условий выполнения важных для страны государственных оборонных заказов. Таким образом, созданы специальные составы (ч. 1 и 2 ст. 201.2 УК РФ) к специальному составу (ст. 201.1 УК РФ).

Почему избран худший из вариантов для установления уголовной ответственности за подобное деяние? Я понимаю, что законодатель посчитал, что нарушение условий гособоронзаказа, если оно совершено без последствий (речь о ч. 1 ст. 201.2 УК РФ), остается вне сферы уголовной репрессии, что неправильно в условиях ведения Россией СВО. В таком случае

¹⁰ См. ее анализ, например: *Борков В. Н.* Повышена ответственность за злоупотребления при выполнении государственного оборонного заказа // *Законность.* 2018. № 3. С. 49–53; *Ермолович Я. Н.* Уголовная ответственность за ненадлежащее исполнение государственного оборонного заказа и нарушение порядка осуществления государственных закупок // *Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права.* 2019. № 1. С. 15–26.

¹¹ См. об этом, например: *Гребенщиков С. П., Яни П. С.* Ответственность за преступления, совершаемые в сфере государственного оборонного заказа // *Законность.* 2018. № 5. С. 40–44; № 6. С. 39–44.

следовало бы установить за такое деяние сразу уголовную ответственность. Однако по непонятным мне причинам первое такое деяние расценено как не общественно опасное и влекущее административную ответственность. Если общественная опасность появляется лишь при наличии повторяемости подобного поведения при условии привлечения за первое к ответственности административной, почему тогда оно приравнено по тому максимальному основному наказанию, которое за него может быть назначено, к наказанию за злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ч. 1 ст. 201.1 УК РФ), а само преступление признается тяжким? Получается, что из не представляющего общественной опасности деяния по воле законодателя, в случае повторения его после наложения административного взыскания, оно сразу превращается в высоко общественно опасное, пропуская не только стадию преступлений небольшой тяжести, но и стадию преступлений средней тяжести. А совершенное вновь деяние вместе с первым, за которое лицо уже было наказано, не составляют ведь продолжаемого преступления, это преступление единичное и только последний факт его образует. Логика криминализации при таком строении уголовного закона, на мой взгляд, напрочь отсутствует.

Как можно было поступить при формулировании законодательного запрета, принимая во внимание, что умышленное нарушение гособоронзаказа, действительно, общественно опасно в той степени, что позволяет такое поведение криминализировать? Внести изменения в уже имеющуюся статью 201.1 УК РФ, которая запрещает злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, установив в ч. 1 ответственность за злоупотребление без последствий, в том числе выразившееся в умышленном нарушении условий гособоронконтракта, с меньшей ответственностью, чем в ныне действующем составе ч. 1 ст. 201.1 УК РФ.

Еще хуже получилось со вторым составом ст. 201.2 УК РФ, предусмотренным в ее части 2. Уголовная ответственность за нарушения гособоронзаказа установлена сразу, если наступили последствия: причинение Российской Федерации ущерба в сумме, составляющей не менее 5 % цены госконтракта либо договора, но не менее 5 млн руб., или невыполнение задания гособоронзаказа. Такие последствия полностью подпадают, по моему представлению, под тяжкие последствия, которые предусмотрены в

качестве квалифицирующего признака состава злоупотребления полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ч. 2 ст. 201.1 УК РФ), тем более, что законодатель установил и за нарушение условий гособоронконтракта, и за квалифицированное злоупотребление полномочий при его выполнении абсолютно одинаковую ответственность — лишение свободы на срок от 5 до 10 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет. Для какой цели в таком случае рождена норма ч. 2 ст. 201.2 УК РФ? Я вижу лишь одно объяснение — для того, чтобы наказывать не только за умышленное нарушение условий гособоронзаказа, что подпадает под понятие злоупотребления полномочиями, но и за неосторожное их нарушение: недаром законодатель вообще не оговаривает форму вины. Но неосторожное нарушение условий гособоронконтракта злоупотреблением уже не может быть сочтено, это проявление халатности по службе, за которую уголовная ответственность в гл. 23 УК РФ не установлена вообще. Проблема, однако, в том, что нарушение условий, которое предусмотрено в ч. 1 ст. 201.2 УК РФ, в силу законодательного оформления состава как формального по конструкции никак не может совершаться по неосторожности. И значит, не оговоренная ни в ч. 1, ни в ч. 2 ст. 201.2 УК РФ форма вины при одинаковом содержании деяния не может отличаться, должна быть одинаковой (иное прочтение требует внесения в закон корректировок).

Как же следовало поступить, чтобы не рождал таких неловкостей, мягко говоря, в уголовном законе? Установить самостоятельную ответственность в гл. 23 УК РФ за служебную халатность. Нарушение условий гособоронзаказа, повлекшее по неосторожности наступление тяжких последствий, полностью подпадет под такой состав, а умышленное нарушение условий — без всякого допущения — может быть расценено как квалифицированный состав ст. 201.1 УК РФ. Можно, конечно, усмотреть разницу между составами ст. 201.1 и 201.2 УК РФ в том, что в первой есть указание на обязательные признаки субъективной стороны — на цели извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц, а во второй ничего подобного нет. Однако широчайшее разъяснение Пленума Верховного Суда РФ указанных целей позволяет, по сути, усмотреть их в любом умышленном злонамеренном поведении субъекта пре-

ступления, за исключением каких-то казусных ситуаций, не отменяющих правило (см. п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)»).

Заканчивая этот анализ, несколько слов скажу о второй вновь введенной в гл. 23 УК РФ статье — ст. 201.3. Представляется, что отказ или уклонение от заключения госконтракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа, если заключение таких контракта либо договора является обязательным в соответствии с федеральным законом, с учетом сегодняшних событий в России и в мире достаточно опасно само по себе, без повторяемости и административной преюдиции, и может быть расценено как злоупотребление полномочиями по предложенной выше новой редакции ч. 1 ст. 201.1 УК РФ, с гораздо меньшим наказанием за него.

Главные изменения воинских преступлений по Федеральному закону от 24.09.2022 № 365-ФЗ могут быть сведены к следующим:

1) из ст. 331 УК РФ исключена часть 3, в которой оговаривалось, что уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени. Новой оговорки в этой статье не последовало, что означает, что *уголовное законодательство и в части посягательств на военную службу распространяется на любое время, в том числе военное*, принятие дополнительного (специального) закона не требуется. Таким образом, поставлена точка в затяжных спорах о том, должно ли быть военно-уголовное законодательство ориентировано только на мирное время (как было раньше), или же оно после корректировки может быть использовано и за пределами мирного времени¹².

Этим же законом законодатель определил, что сразу пять обстоятельств, связанных со вре-

менем или обстановкой совершения воинского преступления, отягчают ответственность за них: совершение деяния в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Остановлюсь на этом далее подробно;

2) *ужесточение уголовной ответственности с учетом названных обстоятельств происходит двумя путями: или через выделение квалифицирующих признаков в составах воинских преступлений, или через установление в действиях виновного отягчающего обстоятельства, предусмотренного пунктом «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ*. При этом квалифицирующие воинское преступление обстоятельства учтены законодателем в гл. 32 УК РФ по-разному: в полном объеме, когда перечислены все пять обстоятельств — совершение деяния в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий (ч. 3 ст. 333; ч. 3 ст. 334; ч. 2.1, 3.1, 5 ст. 337; ч. 3 ст. 338; ч. 3 ст. 339; ч. 4 и 5 ст. 340; ч. 4 и 5 ст. 341; ч. 4 и 5 ст. 342; ч. 3 ст. 344 УК РФ, т.е. в 9 статьях), или без указания на мобилизационное время (ч. 2.1, 2.2 ст. 332; ч. 3 ст. 346; ч. 2 ст. 347; ч. 2 ст. 348 УК РФ, т.е. в 4 статьях). Ни в каком объеме этот перечень обстоятельств не предусмотрен в нескольких составах воинских преступлений (ст. 335, 336, 343, 345, 349, 350, 351, 352 УК РФ, т.е. в 8 статьях¹³), что позволяет говорить, что законодатель не увидел типичного увеличения общественной опасности деяния при совершении его в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, хотя есть возможность учета любого из них с применением п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ;

3) *установление уголовной ответственности (первичная криминализация) за отказ от участия в военных или боевых действиях (ч. 2.1, 2.2 ст. 332 УК РФ), а также за добровольную сдачу в плен при отсутствии признаков государственной измены (ст. 352.1 УК РФ)*.

¹² См. об этих спорах, например: *Бодаевский В. П.* Формирование уголовного права военного времени // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17. № 2. С. 128–154.

¹³ Такого признака нет и во вновь введенной статье УК РФ — ст. 352.1 «Добровольная сдача в плен», однако по смыслу деяния оно может быть совершено только в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

Возвращаясь к указанию на специальную обстановку в воинских преступлениях, замечу, что из двух упомянутых ранее в ч. 3 ст. 331 УК РФ обстоятельств (военное время и боевая обстановка) дословно сохранено только первое, вместо боевой обстановки законодатель употребил оборот «ведение боевых действий». Ни первое понятие, ни второй оборот не получили легальной дефиниции, в отличие от трех внесенных в закон новых обстоятельств (период мобилизации или военного положения, условия вооруженного конфликта).

Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 26.02.1997 № 31-ФЗ (ред. от 04.11.2022) «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», под *мобилизацией* в РФ следует понимать комплекс мероприятий по переводу экономики РФ, экономики субъектов РФ и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени, переводу Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени. В статьях гл. 33 УК РФ употреблено понятие «*период мобилизации*». Принимая это во внимание, следует установить начало и конец указанного периода.

Началом периода частичной мобилизации, которая осуществляется в РФ, служит, согласно п. 1 Указа Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», дата 21 сентября 2022 г. Об окончании мобилизационного периода в Указе ничего не говорится, хотя эти данные могут содержаться в закрытом пункте 7 Указа, который предназначен для служебного пользования. Очевидно в связи с этим, что для того, чтобы период мобилизации был завершен, необходимо принятие нового указа президента. Пока его нет, следует признать, что мобилизационный период в РФ продолжается, и совершение воинских преступлений, перечисленных выше, должно при установлении связи деяния с этим периодом влечь повышенную уголовную ответственность. Впрочем, возможен и другой вариант момента окончания мобилизационного периода: точное указание на количество лиц, которые должны быть мобилизованы. В открытом тексте Указа Президента РФ от 21.09.2022 таких данных нет, хотя высшие должностные лица РФ, включая и самого Президента, связывают мобилизационный период именно с

достижением мобилизацией определенного числа мобилизованных (300 000 человек). Не подвергая сомнению слова Президента и иных должностных лиц, вместе с тем хотела бы заметить, как юрист, что одних слов недостаточно, момент окончания периода мобилизации должен получить свое закрепление в нормативном документе. До тех пор указанная неопределенность является правовой и подлежит устранению на конституционном уровне.

Субъектом воинских преступлений, совершенных в период мобилизации, выступают среди прочих те лица, которые подлежат мобилизации, за установленными законом ограничениями. Согласно названному выше Федеральному закону № 31-ФЗ, призыву на военную службу по мобилизации подлежат граждане, пребывающие в запасе, не имеющие права на отсрочку от призыва на военную службу по мобилизации (она распространяется на широкий круг лиц в соответствии со ст. 18 Федерального закона), кроме граждан, имеющих неснятую или непогашенную судимость за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего либо преступлений, предусмотренных статьями 205–205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 275, 275.1, 276–280, 282.1–282.3, 360, 361 УК РФ (ч. 2 и ч. 4 ст. 17). В то же время субъектами преступлений против военной службы, совершенных в период мобилизации, могут быть и другие военнослужащие, признаваемые субъектами воинских преступлений.

Под *военным положением*, согласно ст. 1 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2017) «О военном положении», понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией РФ Президентом РФ в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии. Военное положение в России с 20 октября 2022 г. введено в новых регионах РФ согласно Указу Президента РФ от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» (Указ утвержден СФ РФ). Конечный срок периода военного положения в Указе также не оговорен, однако здесь нет правовой неопределенности: очевидно, что оно действует вплоть до его отмены соответствующим нормативным актом.

Понятие *вооруженного конфликта* сформулировано в Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976: это «вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт)» (пп. «д» п. 8).

Понятия военного времени и ведения боевых действий нормативно не определены, хотя довольно часто используются в законодательстве и иных нормативных правовых актах. *Военное время* связано с понятиями военного положения и вооруженного конфликта, хотя по смыслу и не сводится только к ним; оно может выходить за пределы указанных понятий. Что касается *ведения боевых действий*, то это время самой «горячей» фазы конфликта, когда интересы противоборствующих сторон решаются на поле боя. Боевые действия тоже сориентированы на понятия военного положения и вооруженного конфликта, но не идентичны им, поскольку существуют не весь период того или другого. Но с точки зрения законодательной техники и снижения субъективизма при вынесении любых решений по уголовным делам было бы правильно или отказаться от этих терминов в уголовном законе, или расшифровать их там же.

2.7. Федеральный закон от 29.12.2022 № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»

Этот закон называют антидиверсионным, поскольку все его положения связаны с составом диверсии. Законодатель пошел в отношении состава диверсии (ст. 281 УК РФ) по тому же пути, по которому устанавливал уголовную ответственность за деяния, связанные с терроризмом и с экстремизмом, — по пути дробления, дифференциации уголовной ответственности за прикосновенность к диверсионным преступлениям, или за соучастие в них, или за незаконченную диверсионную деятельность, путем выделения указанного в самостоятельные составы преступлений.

Так, в новой статье 281.1 УК РФ, посвященной содействию диверсионной деятельности, появились самостоятельные составы вовлечения в диверсию (ч. 1 и 2), пособничества при ее осуществлении (ч. 3), организации такой деятельности (ч. 4). Новая статья 281.2 УК РФ включает в себя состав прохождения обучения в целях осуществления диверсионной деятельности. В третьей новой статье, введенной в УК РФ анализируемым федеральным законом, — ст. 281.3 — содержатся составы организации диверсионного сообщества (ч. 1) и участия в нем (ч. 2).

В целом подобные приемы построения уголовного законодательства я не поддерживаю в силу ряда причин:

- 1) новые нормы порождают сложности в разграничении общих норм (ст. 281, 210 УК РФ) и новых специальных норм;
- 2) все предусмотренные новыми статьями действия были преступны и ранее, — путем применения ст. 281 УК РФ с использованием норм Общей части (ст. 30, 33 УК РФ);
- 3) ст. 281 УК РФ, как общая норма по отношению ко вновь введенным, предусматривает строгую уголовную ответственность за диверсию — особо тяжкое преступление даже по основному составу (ч. 1).

Принимая во внимание сказанное, можно прогнозировать и дальнейшее появление подобных серий норм (например, по составу пиратства, по многим составам преступлений против мира и безопасности человечества), что приведет к еще большему разрастанию уголовного законодательства, но едва ли что-то существенно изменит в деле борьбы с диверсионной деятельностью. Единственное, что может примирить с таким реформированием уголовного законодательства, — это сложность современной общественно-политической обстановки в России и мире. Привлечение внимания к ужесточению ответственности за диверсионную деятельность полезно лишь превентивным эффектом на население страны и тех лиц, которые в страну приезжают: возможно, оно сработает в отношении хотя бы нескольких неустойчивых в преступном плане лиц или заставит повысить бдительность других граждан и властных структур. Впрочем, этого уже достаточно для обоснования полезности анализируемого закона.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бодаевский В. П. Формирование уголовного права военного времени // Труды Института государства и права РАН. — 2022. — Т. 17. — № 2. — С. 128–154.
2. Борков В. Н. Отграничение пытки от применения насилия или специальных средств при превышении должностных полномочий // Уголовное право. — 2022. — № 12. — С. 3–9.
3. Борков В. Н. Повышена ответственность за злоупотребления при выполнении государственного оборонного заказа // Законность. — 2018. — № 3. — С. 49–53.
4. Векленко В., Галюкова М. Истязание и пытка: уголовно-правовой анализ // Уголовное право. — 2007. — № 4.
5. Горелов А. Усиление ответственности за половые преступления над детьми // Административное право. — 2021. — № 4. — С. 47–48.
6. Гребенщиков С. П., Яни П. С. Ответственность за преступления, совершаемые в сфере государственного оборонного заказа // Законность. — 2018. — № 5. — С. 40–44 ; № 6. — С. 39–44.
7. Гусарова М. В. Анализ наказаний за преступления сексуального характера и пути их оптимизации // Российский судья. — 2022. — № 1. — С. 19–22.
8. Ермолович Я. Н. Уголовная ответственность за ненадлежащее исполнение государственного оборонного заказа и нарушение порядка осуществления государственных закупок // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. — 2019. — № 1. — С. 15–26.
9. Иванов Н. Г. Преюдициальность в УК РФ в свете позиций Конституционного Суда РФ (на примере ст. 116.1 УК РФ) // Уголовное судопроизводство. — 2021. — № 3. — С. 34–39.
10. Каравалева Ю. С. Межотраслевая дифференциация ответственности в уголовно-правовых нормах с признаками административной преюдиции: законодательный и правоприменительный подходы // Lex russica (Русский закон). — 2022. — № 8. — С. 81–98.
11. Курсаев А. В. Квалификация отдельных преступлений против правосудия в новом постановлении Пленума Верховного Суда // Уголовное право. — 2022. — № 11.
12. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2011. — № 3. — С. 64–71.
13. Лопашенко Н. А. Составы преступлений с административной преюдицией — «свои среди чужих»? // Российский следователь. — 2022. — № 5. — С. 51–55.
14. Петрова Г. О. Уголовно-правовое регулирование и некоторые его границы в XXI веке // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2022. — № 6. — С. 6–8.
15. Терских А. И. Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые — наказание реальное // Законность. — 2022. — № 8. — С. 32–37.
16. Хлебушкин А. Г. Переход на сторону противника и участие в военных действиях на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации: вопросы квалификации // Уголовное право. — 2022. — № 12.

Материал поступил в редакцию 19 января 2023 г.

REFERENCES

1. Bodaevsky VP. Formirovanie ugolovnogo prava voennogo vremeni [Formation of the criminal law of wartime]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk [Proceedings of the Institute of State and Law]*. 2022;17(2):128-154. (In Russ.).
2. Borkov VN. Otgranichenie pytki ot primeneniya nasiliya ili spetsialnykh sredstv pri prevyshenii dolzhnostnykh polnomochiy [Delineation of torture from the use of violence or special means when exceeding official powers]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2022;12:3-14. (In Russ.).
3. Borkov VN. Povyshena otvetstvennost za zloupotrebleniya pri vypolnenii gosudarstvennogo oboronno go zakaza [Increased responsibility for abuses in the execution of the state defense order]. *Zakonnost [Legality]*. 2018;3:49-53. (In Russ.).
4. Veklenko V, Galyukova M. Istyazanie i pytka: ugolovno-pravovoy analiz [Tortures: Criminal law analysis]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2007;4. (In Russ.).

5. Gorelov A. Usilenie otvetstvennosti za polovye prestupleniya nad detmi [Strengthening responsibility for sexual crimes against children]. *Administrativnoe pravo [Administrative law]*. 2021;4:47-52. (In Russ.).
6. Grebenshchikov SP, Yani PS. Usilenie otvetstvennosti za polovye prestupleniya nad detmi [Responsibility for sexual crimes committed against minors]. *Zakonnost [Legality]*. 2018;5:40-44. 2018;6:39-51. (In Russ.).
7. Gusarova MV. Analiz nakazaniy za prestupleniya seksualnogo kharaktera i puti ikh optimizatsii [Analysis of punishments for sexual crimes and ways to optimize them]. *Rossiyskiy sudya [Russian Judge]*. 2022;1:19-23. (In Russ.).
8. Ermolovich YaN. Ugolovnaya otvetstvennost za nenadlezhashchee ispolnenie gosudarstvennogo oboronno go zakaza i narushenie poryadka osushchestvleniya gosudarstvennykh zakupok [Criminal liability for improper execution of the state defense order and violation of the procedure for public procurement]. *Oborono-promyshlennyy kompleks: voprosy prava [Military-industrial complex: Questions of law]*. 2019;1:15-26. (In Russ.).
9. Ivanov NG. Preyuditsialnost v UK RF v svete pozitsiy Konstitutsionnogo Suda RF (na primere st. 116.1 UK RF) [Prejudice in the Criminal Code of the Russian Federation in the light of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation (Based on Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo [Criminal proceedings]*. 2021;3:34-39. (In Russ.).
10. Karavaeva YuS. Mezhotraslevaya differentsiatsiya otvetstvennosti v ugolovno-pravovykh normakh s priznakami administrativnoy preyuditsii: zakonodatelnyy i pravoprimeritelnyy podkhody [Intersectoral Differentiation of Responsibility in Criminal Law Rules Involving Administrative Prejudice Elements: Legislative and Law Enforcement Approaches]. *Lex Russica*. 2022;75(8):81-98. (In Russ.).
11. Kursaev AV. Kvalifikatsiya otdelnykh prestupleniy protiv pravosudiya v novom postanovlenii Plenuma Verkhovnogo Suda [Classification of individual crimes against justice in the new resolution of the Plenum of the Supreme Court]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2022;11. (In Russ.).
12. Lopashenko NA. Administrativnoy preyuditsii v ugolovnom prave — net! [No to administrative prejudice in criminal law!]. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation]*. 2011;3(23):64-70. (In Russ.).
13. Lopashenko NA. Sostavy prestupleniy s administrativnoy preyuditsiei — «svoi sredi chuzhikh»? [The elements of crimes with administrative prejudice — «their own among strangers»?]. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2022;5:51-58. (In Russ.).
14. Petrova GO. Ugolovno-pravovoe regulirovanie i nekotorye ego granitsy v XXI veke [Criminal law regulation and some of its boundaries in the 21st century]. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya [International criminal law and international justice]*. 2022;6:6-8. (In Russ.).
15. Terskikh AI. Ugolovnyy zakon v realiyakh informatsionnogo obshchestva: novosti feykovyie — nakazanie realnoe [Criminal law in the realities of the information society: Fake news — real punishment]. *Zakonnost [Legality]*. 2022;8:32-39. (In Russ.).
16. Khlebushkin AG. Perekhod na storonu protivnika i uchastie v voennykh deystviyakh na territorii inostrannogo gosudarstva v tselyakh, protivorechashchikh interesam Rossiyskoy Federatsii: voprosy kvalifikatsii [Going over to the enemy's side and participating in military operations on the territory of a foreign state for purposes contrary to the interests of the Russian Federation: Questions of classification]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2022;12. (In Russ.).